

Метатекст в поэзии И. Ф. Жданова

Современное исследование метатекста в поэтических произведениях осуществляется с двух основных позиций. Для их определения можно воспользоваться высказыванием М. М. Бахтина, в котором он проводит разграничение подходов к изучению художественного текста:

Можно идти к первому полюсу, то есть к языку — языку автора, языку жанра, направления, эпохи, национальному языку (лингвистика) и, наконец, к потенциальному языку языков (структурализм, глоссематика). Можно двигаться ко второму полюсу — к неповторимому событию текста [3, с. 310].

С первой позиции стихотворные тексты И. Ф. Жданова в контексте поэтической школы «метареализма» рассматривает О. И. Северская, понимая творчество современных поэтов как «путь к созданию “металитературы”», а значит — к овладению приемами повествования с одновременным описанием языка описания» [10, с. 541]. Она выделяет метакомпоненты на различных уровнях системы текста, формирующиеся под действием конструктивных факторов, определяющих параметры стиля поэтической школы. Теоретической основой работы исследовательницы, с одной стороны, стали труды по метатекстуальности Р. Барта, считавшего, что в современной литературе размышления о ее сущности ведутся «в той зоне, где она словно стремится к нулю, разрушаясь как язык-объект и сохраняясь лишь в качестве метаязыка» [2, с. 132]. С другой стороны, ориентиром являются работы Ю. М. Лотмана и других представителей структурно-семиотического направления в отечественном литературоведении, где метатекст воспринимается в качестве текста-кода, направленного на пояснение (комментирование) основного текста, в который он может быть включен как структурный элемент.

Под неповторимым событием текста М. М. Бахтин понимал прежде всего систему диалогических (внелингвистических) отношений между высказываниями субъектов в художественном произведении. Согласно этой позиции, каждое слово в эстетическом целом закреплено за конкретным субъектом и направлено на выражение его определенной позиции по отношению к другому субъекту или к художественной действительности. И в этом плане, как отмечает Ким Хюн Еун, «понятие “мета” приобрело у Бахтина не парадигматически-надличностный, а синтагматически-межличностный характер, стало не абстрактным и готовым “кодом”, а конкретной встречей и взаимодействием субъектов и языков» [8, с. 185].

Рассмотрим с этой позиции стихотворные тексты И. Ф. Жданова.

В стихотворении «Запомнил я цветные сны шмеля» метатекстовый план вводится образом «написания текста, его фиксации на каком-либо носителе»

[1, с. 16]: «Плыла сквозь них ко мне моя земля. // Но неба для нее не подобрать — / *Пуста моя открытая тетрадь*. // Так тучи пробегают по лицу, / Так небо приближается к концу / Оно уже дописано во мне, / Оставьте меня с ним наедине» [7] (здесь и далее курсив наш. — Н. Ч.).

По образно-смысловому наполнению текст отчетливо делится на две равные части, которые одинаково начинаются с параллелизма лирического субъекта и объекта природного мира. В первой строфе описывается зона бессознательного, единая для всех живых существ, где субъект и «шмель» становятся сопричастными и соразмерными друг другу в возможности видеть один и тот же сон. Это сопоставление подкрепляется совпадениями ударного гласного звука «а», анаграмматического показателя лирического «я»: я — шмеля — моя — земля. Во второй строфе, как и в первой, происходит троекратная локализация того же звукового маркера, указывающая на то, что речь идет по-прежнему о психологическом пространстве субъекта: «Пуста моя открытая тетрадь».

Анафора в первых двух строках второй части (третья строфа) синтаксически выражает параллелизм движения туч и завершения создания (написания) неба в лирическом сознании-тексте субъекта. На фонетическом уровне во второй части, по сравнению с первой, происходят изменения, связанные с тем, что на основную акцентную позицию выходит ассонанс «э» и аллитерация «н», определяющие ключевое слово «небо». И если во второй строке третьей строфы указанные маркеры связаны непосредственно с материнской лексемой, то в последней строфе они становятся определителями ее эквивалентных форм — личных местоимений третьего лица среднего рода. При этом личные местоимения, относящиеся к кругозору лирического субъекта, за счет наличия в них звукового комплекса «не» (или «ен»), становятся субститутами «неба»: «Так небо приближается к концу / Оно уже дописано во *мНЕ*, / Оставьте *мЕНя* с ним *наедине*». В ситуации, когда происходит лексико-фонетическое сочетание субъекта и поэтического образа («неба»), можно говорить о субъективации последнего.

Завершение ее происходит на метатекстовом уровне стихотворения. Согласно современным исследованиям, одной из ключевых особенностей новейшего этапа развития лирики является то, «что теперь основные интенции “я” направлены не на “мы”, а на “другого”, о чем говорит и... процесс: возрастание роли синкретических и диалогических форм высказывания» [5, с. 86]. Эта «особенность» характерна и для анализируемого стихотворения И. Ф. Жданова, где в последней строке лирический субъект совершает отказ от внешнего мира («мы»), выраженный глаголом в повелительном наклонении («оставьте»), чтобы остаться *наедине* с «другим». То есть, в логике лирических событий, он хочет совершить творческое *соединение* идеального и материального («неба» и «земли»), «я» и «другого», в акте обретения личной синкретической целокупности.

В поэтическом цикле «Поезд» лирический субъект также дифференцирован на «я» и «другого», в качестве последнего выступает персонаж древнегреческой мифологии — Одиссей. Во-первых, на это указывает совмещение их пространственного положения: «И снова на *бегу* меня пейзаж встречает, / вдоль поезда летит,

воронками крутятся, / и валится в окно, и потолок качает... И вещей Одиссей, один на целом свете, / переживает бег, задуманный как плен» [6, с. 47]¹. А во-вторых, об этом свидетельствует сочетание в одном и том же лирическом эпизоде внешней (Одиссея) и внутренней (лирического «я») точек зрения: «И уши закрыв, наклонившись, сидит Одиссей, / читая кручину, один в полутемном вагоне. / И пенё сирен надвигается тяжестью всей, / и меркнет, и реет, и слух обжигает ладони» [с. 49].

В четвертой строфе заключительного (пятого) стихотворного текста, отличающейся метаповествовательной направленностью, окончательно оформляется специфика межсубъектного единства: «Я теряюсь в толпе. Толпы света, как волны, смывают / и уносят меня, как стихи на прибрежном песке. / Там, где зреет строфа, там, где шепот сирен убывает, / там проносится поезд по долгой и влажной строке» [с. 50]. Растворение лирического «я» в коллективном субъекте, выступающем в качестве творца обновленной реальности художественного мира («Толпы света бредут, создавая дыханьем округу» [с. 50]), становится воплощением идеи возвращения к изначальному синкретизму (в том числе и субъектному). Но автор идет дальше — он метатекстуальную перифразу лирической ситуации вводит как природный план (за счет аналитического сравнения «толп света» с «волнами») в психологический параллелизм. Человеческий же план данной конструкции связывается им с лирическим «ты» («другим») стихотворения, Одиссеем, который продолжает движение в поезде: «Колесо и пейзаж на незримой оси снегопада / с одинаковой страстью друг друга пытаются в пути. / Начинается вдох. Открывается занавес ада. / Крепко спит Одиссей, и снежинка трепещет в горсти» [с. 50].

Как известно, в двучленном параллелизме элементы образного ряда становятся тождественными друг другу, но, как отмечал С. Н. Бройтман, в нем также «выраженным является различие: оба сопоставляемых явления по своей внешней форме самостоятельны, разделены в пространстве сочинительной (а не подчинительной) связью» [5, с. 35]. В результате проецирования субъектной структуры на образный язык параллелизма происходит актуализация синкретической «нераздельности-неслиянности» [5, с. 237] «я» и «другого».

В поэзии Жданова взаимодействие субъектов на метауровне текста может принимать диалогический характер, как это происходит, например, в стихотворении «Снег сыплет парадоксами Вийона». Словесные образы из «Ворона» Эдгара Аллана По у современного поэта подвергаются ироническому переосмыслению и становятся образами образов: «Вот пенё в снегу, на нем сидит ворона / цитатой из Эдгара По. / Ей невермор, что мор во время оно / и пенё под ней — совсем не бюст Платона, / она — как повесть без приставки по» [с. 165]. Очевидно, что для осуществления метарефлексии субъект речи должен был занять внежизненно активную позицию по отношению к художественной действительности, то есть стать ее первичным автором. Метаобразы в этом случае становятся его голосами. Но на данном уровне поэтическое высказывание имеет лишь монологическую

---

¹ Далее ссылки на это издание даются с указанием страницы в скобках.

тональность, и только в последней строфе происходит переход к межузъектному диалогу: «Где полночь та и где тот час угрюмый, / когда я, утомившись от раздумий / у фолианта одного, / услышу стук и в отрешенных шторах / пурпурным шелком завершенный шорох, / и гость войдет, и больше ничего» [с. 165].

Приведенное шестистишие отчетливо выбивается из стилистического регистра, заданного предыдущими строфами: во-первых, отсутствует ироническая окраска словесных образов, во-вторых, появляются грамматически выраженный лирический субъект и соответствующее ему пространственно-временное окружение. Однако указанные изменения не приводят к смене точки зрения субъекта речи (первичного автора), он также находится в положении внеаходимости, позволяющем ему наблюдать за лирическими событиями со стороны, с позиции временного интервала. В этой ситуации происходит, как и в рассмотренных выше примерах, разыгрывание неклассической двуединой целостности ««я» и «другого», автора-творца и героя» [4, с. 256].

При этом последняя строфа ждановского текста является вариацией первой строфы с добавлением мотивов из третьей стихотворения Эдгара Аллана По. Сравним с переводом М. Зенкевича: «*Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий, / Задремал я над страницей фолианта одного, / И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал, / Будто глухо так застукал в двери дома моего. / "Гость, — сказал я, — там стучится в двери дома моего, / Гость — и больше ничего"* // <...> *Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах / Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего, / И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало: / "Это гость лишь запоздалый у порога моего, / Гость какой-то запоздалый у порога моего, / Гость — и больше ничего"*» [9]. Версия И. Ф. Жданова отличается от американского первоисточника прежде всего тем, что в ней происходит контакт гостя и лирического субъекта. Такое отличие является принципиальным, поскольку через него, с одной стороны, современный поэт осуществляет творческий диалог интертекстуального порядка со своим предшественником, а с другой стороны, он получает возможность показать это взаимодействие как встречу «я» и «другого».

Таким образом, в поэзии И. Ф. Жданова метатекст необходимо рассматривать не только в структуралистском и лингвистическом аспекте, но и с позиции межузъектного взаимодействия, где метакомпоненты выступают в качестве зоны контакта «я» и «другого».

Литература

1. Ахапкин Д. Н. «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
2. Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
3. Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 1997.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. Теория литературы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2004.
5. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX — начала XX века в свете исторической поэтики (субъектно-образная организация). М., 1997.

6. *Жданов И. Ф.* Воздух и ветер. Сочинения и фотографии. М., 2005.
7. *Жданов И. Ф.* Собрание поэтических произведений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filgrad.ru> (дата обращения: 07.11.2014).
8. *Ким Хюн Еун.* Стихотворения И. Бродского как метатекст. (На материале книги «Часть речи») : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
9. *По Э. Ворон* / пер. М. Зенкевича [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/INOFAnt/POE/crown3.txt> (дата обращения: 06.11.2014).
10. *Северская О. И.* Метареализм. Язык поэтической школы: социолект — идиолект / идиостиль // Очерки истории русской поэзии XX века : Опыты описания идиостилей / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1995. С. 541–557.